

BLIZZARD ENTERTAINMENT

Путевые записки Ли Ли

Жизнь — это приключение.

Дядя Чэнь когда-то писал мне об этом в письме. Очень мудрая мысль, но мой папа, Чонь По, с этим не согласен. Он говорит, что я слишком много времени провожу в мыслях о дальних краях и не замечаю красоты и чудес Скитающегося острова. Он ошибается. Я люблю свою родину.

Вот зачем я начала вести этот дневник. Я решила, что если хочу сравниться с таким великим путешественником, как дядя Чэнь, то подобно ему должна вести записи о своих приключениях. И почему бы не начать уже дома? Может быть, когда-нибудь моя книга будет стоять на полке в Великой библиотеке рядом с трудами дяди. А еще лучше, если жители Штормграда, Оргриммара или других далеких мест прочтут ее и узнают о моем народе, о нашей культуре и о моих родных краях!

Начнем с предисловия. Я родилась на спине Великой Черепахи Шэнь-Цзынь Су. Это место еще называют «Скитающийся остров». В наши дни многие пандарены просто сидят сложа лапы и рассказывают одни и те же старые истории, но так было не всегда. Приключения у нас в крови. Для наших предков каждый день был возможностью увидеть что-то новое и поведать *новые* истории!

Пока я пишу эти строки, дядя Чэнь продолжает традицию и скитается по свету, но он такой не один. Путь Странника манит и меня. И теперь, наконец, я отвечу на этот зов!

Меня зовут Ли Ли Буйный Портер, и я расскажу вам о Скитающемся острове.

Запись первая: возвращение к истокам

Я решила путешествовать по родному острову, используя Путь Скитальца. Дядя Чэнь часто писал об этом подходе в своих заметках. Если следовать этому пути, путешествие проходит размеренно. Странник изучает все, что видит, разговаривает с каждым, кого встретит, и запоминает все детали.

Немного поразмыслив, я решила начать путешествие по Шэнь-Цзынь Су с того места, где мне впервые рассказали об истории нашего острова. С Рассветного моста. Это огромный каменный мост в высоких скалах неподалеку от центра острова, и оттуда открывается прекрасный вид на Лес Пэй-У. Там невероятно красиво!

Но отправилась я туда не для того, чтобы полюбоваться видом, а чтобы посетить школу, построенную под мостом. Именно здесь большинство малышей впервые узнают о Лю Лане, первом пандарене-путешественнике (хотя я впервые узнала о нем из писем дяди Чэня). В уютной комнате сидели малыши-пандарены и, раскрыв рты, слушали, как Хранители истории рассказывают им о Лю Лане. Я села рядом, закрыла глаза и представила, что слышу эту историю впервые.

И, слушая ее, я поняла, что нет ничего невозможного! Вдохновившись, я направилась к Храму Пяти Рассветов. Он представляет собой сверкающую башню в самом сердце острова. Когда заходишь в это огромное здание, кажется, что попадаешь в иной мир. Капли дождя просачивались через потолок, мягкий бриз проникал под одежду и, несмотря на то, что погода была прохладная, внутри воздух оказался теплым, совсем как в жаркий летний день.

Хранители истории говорят, что вместе с Шэнь-Цзынь Су рос и храм, будто он часть Великой черепахи. Это место священо, и на то есть причины. Храм — пристанище четырех древних духов нашей земли: Шу (вода), Угоу (земля), Хо (огонь) и Дафэн

(воздух). Пока они в безопасности, погода остается спокойной, а времена года меняются так, как и должны.

Стены храма исписаны мудрыми высказываниями, здесь можно найти немало редких вещиц, но сильнее всего меня заинтересовала статуя Лю Лана на первом этаже. Я смотрела на статую и думала, как много он достиг. Ему потребовалось для этого немало смелости! Приключения, должно быть, поджидали его повсюду, даже дома.

На пути к выходу я столкнулась с мастером Шан Си. В наших краях его очень уважают. Он благородный и смелый пандарен, наставник — как для молодых, так и для стариков. Я не раз и не два навлекла на себя его недовольство, но он всегда меня прощал (кроме того случая, когда я заварила ему чай в вонючей воде из проклятых прудов). Он был в хорошем настроении, и потому я задала ему вопросы, которые не давали мне покоя. Чем бы занимался Лю Лан, если бы был жив? Где бы он искал приключений на нашем острове?

«Может, стоит спросить у него?» — ответил мне мастер Си и указал на статую.

Эта мысль не приходила мне в голову, и я решила попробовать. Я никак не ожидала получить ответ на самом деле. Но я его получила!

Должно быть, меня слушал дух Шу. Он запрыгнул на плечо Лю Лана и бросил вниз водяной шар, который разбился о пол. Через секунду вода начала двигаться. Она направилась к выходу из храма, словно живая, и начала скатываться по длинной Рассветной лестнице.

Я пыталась поспеть за ней изо всех сил и в конце концов добралась до большой долины к северу от храма. Я не спрашивала у воды, куда она меня ведет. Я люблю сюрпризы и, как и дядя, не хотела торопить события!

Запись вторая: рассветная дилемма

Мои приключения на Скитающемся острове продолжились в Рассветной долине!

Я следовала за водой из шара, который создал Шу, по холмам и зарослям кустарников. Она все время были на шаг впереди меня, но я не возражала. В это время года долина была невероятно красива. Куда бы я ни взглянула, везде виднелись потрясающие растения и интересные существа — например, проказники из Янтарного Листа. Это хитрые лесные духи, которые обожают подшучивать над всеми и бедокурить. Мне они всегда нравились. Но больше всего в этих краях мне нравятся красные деревья пучжу. Есть в них что-то волшебное. Их листья сохраняют цвет месяцами, даже если забрать их домой.

Хранители истории говорят, что давным-давно Лю Лан сажал разные растения и сеял семена по всему острову. Значит, такие же растения и цветы растут и в Пандарии? Если так, то, наверное, их там используют и как лекарство, и как украшение, так же, как мы.

Я потеряла из виду воду Шу где-то в деревне У-Сун, что к северу от Рассветной долины. Более того, никто в деревне ее тоже не видел! Как можно не заметить воду, бегущую по улицам? Но я не могу винить местных жителей. Они были очень заняты повседневными делами и обучением боевым искусствам. Многие из лучших монахов острова родились и выросли в деревне У-Сун, ведь тренировочная площадка Шан Си находится совсем неподалеку.

Эту площадку можно найти на холме к востоку от деревни. Целыми днями эхо от ударов лапами и оружием по тренировочным манекенам разносится по долине. По пути на площадку я повстречала самых мудрых пандаренов в округе: Аису Воспевающую Облака, мастера Тушуй, и Цзи Огненную Лапу, мастера Хоцзинь.

У обоих учений есть множество последователей, но их подход немного разнится. Тушуй, прежде всего, учит, что надо защищать правое дело. Есть только один верный путь в жизни, и ему надо следовать неукоснительно. А Хоцзинь, в свою очередь, ставит во главу угла решительность и действия. Последователи этого пути верят, что они действуют во имя всеобщего блага, поэтому методы для достижения цели могут быть самыми разными.

Будучи последователем Пути Скитальца, я не смогла отказаться от редкой возможности задать Аисе и Цзи вопрос. И я спросила у них, что мне делать, чтобы найти сбежавшую воду.

«Сиди, наблюдай и жди», — сказала Аиса. «Шу — древнее существо и не всегда будет отвечать на твой зов. Но если эта вода захочет найти тебя, то сделает это. Всему свое время».

А Цзи дал мне другой совет: «Ты найдешь воду, лишь приложив усилия, юная Ли Ли. Ищи под каждым деревом, сходи на берег, посмотри под каждым камнем!»

В конце концов, я опробовала оба способа. Сидела у пруда Фу, в спокойном месте к югу от тренировочной площадки, и медитировала. Казалось, что прошло несколько часов, но вода Шу так и не показалась. Затем я прибегла к совету Цзи и начала искать ее везде, где только можно. А потом я поняла, что все это без толку. Моей целью было путешествие. И если Шу привел меня в деревню, то, возможно, он просто помог мне сделать первый шаг к моей цели.

На пути назад к Храму Пяти Рассветов я пересеклась с погонщиком по имени Лунь, который вел большого яка. Он только что доставил груз к храму и собирался возвращаться на крестьянский двор Дай-Ло. Я решила, что было бы неплохо отправиться туда, и уговорила Луня подвезти меня.

Мне показалось, что он не в настроении. У него был такой вид, будто он надкусил пирожок, но вместо желанной красной фасоли обнаружил внутри протухший сыр из молока яка (со мной такое случалось). Я начала мучить его вопросами, и он рассказал мне правду: хозены обокрали его и унесли все припасы.

Конечно же, мне было его жаль, но если честно, я немного обрадовалась. Посетить Дай-Ло — хорошая идея, но посетить Дай-Ло и расследовать совершенную хозенами кражу — это просто праздник какой-то.

Следующая часть моих приключений обещала быть очень интересной!

Запись третья: поймать хозена

После Рассветной долины я отправилась на крестьянский двор Дай-Ло.

Это чудесное место — житница всего Скитающегося острова. В Великой Библиотеке я прочитала, что почва в этих краях — чуть ли не самая плодородная в мире. Сам Дай-Ло — маленький фермерский поселок около Огородов, обширных возделанных участков, на которых растут тыквы, морковь и другие овощи. Разумеется, все это великолепие привлекает надоедливых вредителей вроде гну-синей. Эти пушистые зверьки едят все, до чего дотягиваются их маленькие жадные лапки, но особенно любят овощи.

Правда, гну-сини — лишь одна из проблем этого крестьянского двора. Лунь, пока вез меня в Дай-Ло, рассказал о ворах-хозенах, которые пробрались в деревню и стащили несколько мешков риса и овощей. Обычно эти настырные обезьяны не покидают пределов деревни Фе-Фан, что в северо-западной части острова, но иногда они появляются здесь, и это значит — жди неприятностей.

Не поймите меня неправильно — мне нравятся хозены. У них своя, очень интересная культура и традиции. Хозены безумны — но это веселое, обаятельное безумие. Впрочем, иногда они все-таки слишком безумны.

Я была поражена, когда узнала, что никто не пытался найти воров. Видимо, учитывая постоянные набеги гну-синей, потеря пары мешков еды не показалась местным крестьянам слишком уж большой проблемой. Мне кажется, если позволить хозенам безнаказанно таскать припасы, эти мохнатые воришки будут приходить снова и снова. Они забрали нашу еду, и я им спуску не дам!

Лунь сказал, что в последний раз хозенов видели в лесах к северу от Огородов, они направлялись к Поющим прудам. След из обгрызенных морковок и кусков брокколи

(похоже, даже хозены ненавидят брокколи) нашелся очень быстро. Я пошла по следу в глухие изумрудные леса, растущие вокруг прудов.

Мне всегда нравилось ходить к этим прудам. Они буквально дышат спокойствием и волшебством. Я немало времени провела там, балансируя на узких деревянных шестах, торчащих из воды. От этих тренировок прямо дух захватывало — ведь падение в воду было чревато не только тем, что можно промокнуть. Здешние воды таят в себе кое-что еще.

Дело в том, что души животных, умирающих в этих прудах, слились воедино с этими волшебными водами. И если намокнешь... бац! И секунды не пройдет, а ты уже прыгаешь в облике лягушки или ползешь по грязи под черепашьим панцирем. Тут есть даже пруд, где полным-полно духов скунсов. Чары, конечно, развеиваются, но запах остается еще на много дней.

Я долго искала хозенов около прудов, глядя, как малыши прыгают с шеста на шест под присмотром пандарена по имени Силач Бо. Это дородный и безумно серьезный учитель, который был моим наставником много лет. Сердце у него доброе, но его общество веселит и радует не больше, чем корзина лежалой наживки для рыбы недельной давности. Только и слышишь «Так не делай!» — прямо как мой папа. И оба они — полная противоположность дяди Чэня.

Силач Бо заметил меня, когда я шла вдоль прудов, и недобро взглянул в мою сторону. Наверное, решил, что я что-то затеяла (разумеется, он был прав). К счастью, он был слишком занят малышами, и поэтому не стал надоедать мне.

Наконец мне удалось найти воров-хозенов — по крайней мере, пятерых. Они слонялись по берегу скунсового пруда и сталкивали друг друга в воду. Когда один из них ненадолго превращался в скунса, остальные прыгали и бесновались так, как будто угодили на вечер «два по цене одного» в Хмелеварне Ци-Хань.

На ближайшем холме за деревом я увидела то, что осталось от мешков с овощами и рисом. Хозены были слишком увлечены своей игрой и не заметили, как я подобралась, чтобы получше разглядеть мешки. Я подбиралась все ближе и ближе, и вот они были уже так близко — только лапу протяни, и вдруг... два пушистых малыша-хозена выпрыгнули прямо из-за мешков!

Я и не догадывалась, что эти воры — семья. Наверное, они украли еду, чтобы накормить детей... так что я так и не смогла забрать припасы. Но отомстить мне никто не мешал. Я кинула одну из украденных тыкв в хозенов около пруда и припустила в лес. Судя по всплеску, мне удалось зацепить даже нескольких — правда, если они превратились в скунсов, то даже будут пахнуть куда лучше, чем обычно.

По дороге обратно на крестьянский двор я решила, куда направлюсь дальше: в Лес Пэй-У — густые мрачные заросли неподалеку от Дай-Ло. Для меня путешествие туда будет не просто очередной вылазкой. В детстве я раз в несколько лет украдкой пробиралась в Лес Пэй-У, но, пройдя пару шагов, всякий раз пугалась и убегала домой.

Пришло время наконец встретиться со своими страхами. Я взяла провизию в Дай-Ло и отправилась в Лес Пэй-У — самое опасное место на всем Скитающемся острове!

Запись четвертая: запретный лес

Пополнив свои запасы на крестьянском дворе Дай-Ло, я приготовилась к походу в самое опасное место на Скитающемся острове — Лес Пэй-У!

Эти леса крайне опасны, и большинству пандаренов запрещено в них заходить. Я знала, что пробраться туда будет непросто. Холмы и крутые скалистые горы окружают этот густой бамбуковый лес. Единственная нормальная дорога к нему перекрыта двумя огромными воротами. Эти непреодолимые преграды расположены неподалеку от деревни мандоров, где я прожила всю свою жизнь. Казалось бы, что может быть удобнее, но у ворот круглые сутки дежурят пандарены, и пробраться в лес незамеченной очень непросто.

Моя задача осложнилась, когда во время поисков лазейки, через которую можно было бы пробраться за первые ворота, мне снова повстречался Силач Бо. И почему именно в этот день ему взбрело в голову рыскать по деревне? Он спросил, что я делала у Поющих прудов. «Познавала красоту и величие нашего острова», — ответила я. И ведь не соврала!

Тем не менее, Силач Бо прищурился и посмотрел на меня своим обычным хмурым взглядом (интересно, знает ли он, что похож на морщинистую мшистую жабу, когда так хмурится). Раз уж Бо не давал мне спокойно осмотреться, я пошла домой, чтобы отдохнуть и выждать, пока на горизонте не станет чисто. Перед рассветом я прокралась к дороге по тихим пустынным деревенским улочкам и перебралась через огромные ворота, воспользовавшись веревкой из шерсти яка, которую прихватила с собой из Дай-Ло.

Вскоре солнце показалось из-за горизонта, но густая листва деревьев в Пэй-У почти не пропускала солнечный свет. По земле стелился туман, и я почти ничего не могла разглядеть. Зато я слышала звуки... Множество звуков. В этих краях водится немало

животных, но только один зверь вселяет ужас в сердце любого пандарена: свирепый тигр Пэй-У.

И один из них охотился на *меня*. Когда я шла, то слышала тяжелые шаги где-то за спиной. Как только я останавливалась, шаги затихали. Он шел за мной по пятам. Затем внезапно тигр зарычал и бросился на меня. Я встала в стойку Крепкого Быка, приготовившись обороняться, и тут из тумана показалось нечто огромное...

Это был *Силач Бо*!

Ну почему бы ему не заниматься своими делами? Не сказав ни слова, Бо отвел меня домой, разбудил папу и рассказал ему, что я пробралась в запретный лес. Отец отчитывал меня целый час и только потом успокоился. В наказание он решил заставить меня целую неделю заниматься у Поющих прудов... под пристальным надзором Силача Бо.

Я пыталась объяснить папе, чем занимаюсь. Что я путешествую по Великой Черепахе и делаю заметки о своем замечательном приключении. Я думала, он будет рад, но он меня не понял — или же ему просто все равно.

Папа сказал, что наказание начнется завтра, так что у меня оставалось время, чтобы посетить еще одно место. Все еще злясь из-за произошедшего, я отправилась на запад. Я шла, пока не выбралась на длинную извилистую тропу, которая ведет к Лесу Посохов — месту упокоения пандаренов-старейшин Скитающегося острова. Огромный каменный лев, Страж старейшин, охраняет вход в лес. Это могучее существо пропускает лишь тех, кто одолеет его в битве (я была одной из самых юных пандаренов, прошедших это испытание).

Задолго до того, как покинуть Скитающийся остров, дядя Чэнь рассказал мне, что часто приходил в эту часть острова в поисках вдохновения. Тогда я не понимала

этого, но теперь мне стало ясно, в чем дело. Есть в этом месте что-то волшебное. Когда кто-то находит здесь вечный покой, его посох сажают в землю, и со временем он прорастает и превращается в прекрасное дерево. За долгие годы на этом месте появился лес — наследие великих пандаренов острова. Есть в лесу и деревья моей семьи... но писать об этом мне сейчас не хочется. В этот раз я даже не посетила родных. После ссоры с отцом мне меньше всего хотелось бередить старые душевные раны.

В одной из самых старых рощ я встретила старейшину Шаопая. Он воскуривал благовония в святилище своей семьи. Шаопай – мудрейший пандарен из Деревни Утреннего Бриза, что находится неподалеку. Старейшина провел всю свою жизнь, записывая мудрые мысли для грядущих поколений.

Шаопай немного прогулялся со мной по лесу, показывая на деревья и рассказывая, в память о ком они здесь. Перед тем, как отправиться в свою деревню, он сказал: «Я вижу, что у тебя беспокойно на душе, юная Ли Ли. Я не вправе вмешиваться в твои личные дела, но возьми это», — старейшина дал мне гладкий, круглый предмет чуть больше моей лапы — камень для успокоения. «Когда жизненные трудности начинают тяготить тебя, такой камень может облегчить твою ношу. В нем заключена могущественная сила».

Я всегда считала, что камни для успокоения — всего лишь дурацкие безделушки, но если такой мудрец как Шаопай верит в их силу, я готова изменить свое мнение.

Когда я вышла из леса, меня охватило странное ощущение, от которого я никак не могла отделаться. Я была рада подарку Шаопая и тому, что посетила столько прекрасных мест острова, но я хотела большего. Скитающийся остров — земля необычайной красоты, полная волшебства; эти края богаты разнообразными историями и чудесами. А для меня это дом. Я все здесь уже видела. И ведь есть целый

мир, который можно изучать и бродить по нему из края в край, но я боюсь, что никогда не узнаю, каково это.

Весь оставшийся день я провела в Великой Библиотеке, перечитывая письма дяди Чэня. Я по нему скучаю. Папа говорит, что дядя, скорее всего, уже встретил смерть в одном из своих сумасбродных приключений, но я в это не верю. Я знаю, что сейчас он скитается по свету, и я знаю, что когда-нибудь он вернется.

А до тех пор все, что я могу — это следовать Пути Странника здесь, на Великой Черепахе. Дядя Чэнь гордился бы мной... и мои предки тоже. Ведь это у нас в крови! Лю Лан как-то сказал: «Непознанное — величайшее сокровище. И всякое белое пятно на карте — история, которую только предстоит рассказать».

Вот бы папа тоже это понимал. Что бы он ни говорил, когда-нибудь я тоже закрасю большое белое пятно на карте.

И, может быть, я сделаю это не одна — со мной будет дядя Чэнь.

Запись пятая: Нефритовый лес

Со времени последней записи в дневнике произошло немало событий. Например, дядя Чэнь наконец-то вернулся на Скитающийся остров (не без помощи *автора этих строк*). Через некоторое время мы пустились в странствия по миру в поисках легендарного материка, Пандарии. Большинство тех, кто обитает на Великой Черепахе, считали, что войны и болезни давно уже привели к гибели Пандарии.

Так вот, они *ошибались*.

Нам удалось отбиться от пиратов, мы уцелели в чудовищном шторме и преодолели все мыслимые и немыслимые препятствия. Мы с дядей Чэнем все же совершили невозможное — мы нашли затерянную родину наших предков, Пандарию!

Добраться туда, впрочем, было совсем непросто. Нашим компасом и проводником стала Жемчужина Пандарии, эта таинственная реликвия направляла меня к потерянному матерiku с помощью видений. Еще бы эта бестолковая жемчужина удосужилась предупредить нас об опасностях путешествия...

Впрочем, самое главное — мы добрались до Пандарии в целости и сохранности. Мы высадились на берег около Нефритового леса, расположенного на восточном краю материка. Насколько хватало глаз, все было покрыто зелеными лесами, и в густых зарослях бамбука мы увидели много причудливых растений и существ.

Хоть у нас с дядей Чэнем и не было карты, это нас не слишком беспокоило. Мы хорошенько оглядели окрестности и пошли наугад, шаг за шагом, как истинные последователи пути Странника.

Совсем скоро нас встретили местные жители: из лесной чащи вырвались несколько десятков ящеров с глазами-бусинками (как я узнала позднее, этих ящеров зовут сауроками). От них воняло, как от старой кожи, вымоченной в прогорклом эле, которую потом запихнули в бочку протухшего рыбного паштета тетушки Мэй. И запах этот был не так уж плох по сравнению со всем остальным, что касалось сауроков.

С этими чешуйчатыми нахалами мы быстро разобрались (ну, дядя Чэнь разобрался). Лишь один из них доставил нам хлопот. Это был их вожак — здоровенный саурок, весь покрытый шрамами и боевой краской, так что на теле у него не осталось ни живого места. Правда, не прошло и пяти минут, как он убежал от нас обратно в лес, хныча словно ребенок.

Неподалеку от места засады мы нашли лагерь сауроков-бандитов. В нем было полным-полно всякого добра — вероятно, награбленного. Были там повозки зерна, овощи и большие куски чистого нефрита. Пока мы осматривали эти ценности, из леса к нам медленно вышла группа пандаренов. Стоило им понять, что сауроки с позором бежали, как они начали низко кланяться и расхваливать нас, будто мы герои! Оказалось, что чешуйчатые разбойники уже долгое время бесчинствовали по всей округе, и никто не мог найти на них управу.

Наши почитатели лишились дара речи, как только дядя Чэнь рассказал им, что мы родом со Скитающегося острова. Местные жители уже много веков не видели Великую Черепаху, и многие решили, что Скитающегося острова больше не существует. С большим удивлением я обнаружила, как похожи пандарены Нефритового леса на моих земляков. Не считая внешних различий вроде одежды, за несколько поколений изменилось совсем немного.

Когда они узнали, что мы самые обыкновенные путешественники, пандарены рассказали о Нефритовом лесе, его обитателях и самом важном месте в округе — Храме Нефритовой

Змеи. Этот удивительный храм не только служит памятником легендарному пандарийскому императору Шаохао, но и является обителью Юй-лун, Нефритовой Змеи, одной из четырех небожителей, оберегающих Пандарию.

Когда мы с дядей Чэнем вышли к храму, то увидели, как местные мастера трудятся над гигантской нефритовой статуей, которую они зовут Змеиным Сердцем. Раз в сто лет сущность Юй-лун должна переселиться в статую. После этого статуя оживает. История этого цикла — изготовления статуи и перерождения Юй-лун — насчитывает много веков, а сауроки-разбойники, разворовавшие запасы драгоценного нефрита, грозили сорвать ритуал.

Один из зрителей храма, верховный жрец дождя Чжу, был весьма любезен и предложил показать нам окрестности храма. Он привел нас в обитель Ордена Облачного Змея, цветущий Дендрарий, расположенный к северу. Бесстрашные члены ордена издревле приручали, растили и объезжали местных облачных змеев, величественных летучих зверей, которых я заметила в небе над храмом.

Жрец дождя Чжу сказал, что за победу над сауроками и за то, что мы вернули нефрит, он выполнит любую нашу просьбу. Я порывалась попросить маленького небесного змея (они такие хорошенькие!), но дядя Чэнь сказал, что нужно знать меру. Так что я нашла компромисс и попросила покатать меня на змее.

Я уже летала дома на гигантских журавлях и даже на гоблинском дирижабле, но полет на облачном змее мне ни за что не забыть. Змей взмыл в небо с необычайной скоростью. С высоты полета мне открылся прекрасный вид на земли вокруг Нефритового леса. На западе виднелись широкие равнины и поля, а на северо-западе — цепь невероятно высоких гор со снежными шапками на вершинах. Пандария оказалась *огромной*. И в ней было столько всего интересного. Мне предстояло исследовать материк, на который уже много поколений не ступала нога пандаренов со Скитающегося острова!

Прежде чем пойти дальше через лес, мы с дядей оставили Жемчужину Пандарии жрецу дождя Чжу. Он принял нас, словно членов своей семьи, а местные пандарены относились к храму и его служителям со всем возможным почтением. Потому мы решили, что это место как нельзя лучше подойдет для передачи в дар жемчужины. Расстаться с ней было нелегко, но она уже сослужила свою службу и привела меня к Пандарии. Настало время жемчужине вести кого-нибудь другого навстречу его судьбе.

А затем мы с дядей Чэнем шли... и шли... и шли... несколько недель кряду. Казалось, что из Нефритового леса нам никогда не выйти, а за каждой веткой, за каждым кустом пряталось что-то новое и чудесное. На пути нам попадались уединенные пандарийские храмы, древние развалины, увитые плющом, и затерянные в горах монастыри. Неудобство доставляло лишь то, что дядя двигался медленнее черепахи и останавливался каждые пять минут, чтобы присесть и, как он говорил, «насладиться видом».

В конце концов мы вышли к опушке Нефритового леса. Перед нами раскинулась Долина Четырех Ветров с ее крестьянскими угодьями, которые я видела со спины облачного змея. К тому времени меня уже порядком утомили леса и заросли, но я и не подозревала, что ждало нас с дядей Чэнем дальше.

Вскоре мы совершили открытие, навсегда изменившее наши представления о роде Буйных Портеров!

Запись шестая: Долина Четырех Ветров

Пока мы с дядей Чэнем исследовали Нефритовый лес, в душу мне закралось чувство, что я здесь чужестранка, и у меня нет никаких связей с Пандарией. Конечно же, мои предки родились на этой земле, но это ведь было так давно. И хотя я несколько раз встречала хозенов (они здесь *крупнее и еще безумнее*, чем дома), почти все казалось мне на этом материке чуждым, совсем не таким, как я думала.

Впрочем, это чувство исчезло, стоило мне оказаться в Долине Четырех Ветров. Там все было как дома, только масштабнее. Эта долина считается житницей Пандарии, и вся она испещрена крестьянскими наделами, по сравнению с которыми Огороды Скитающегося острова — крошечный садик. Могу поспорить, что одного урожая долины хватит до конца жизни всем жителям деревни Мандори — даже любящему плотно поесть дяде Чэню.

Я могла бы заполнить весь дневник рассказами о невероятных вещах, которые я видела в долине: от бурных вод водопадов Хуаньцзы до волшебных Прудов Чистоты. Но нет! На самом деле мое внимание привлекало не то, что было в новинку. Напротив, меня занимали знакомые, привычные вещи, которые я никак не надеялась встретить так далеко от дома.

Мы с дядей Чэнем узнали много интересного, пока бродили по долине в компании искателей приключений из других земель Азерота, тоже путешественников. Я ничуть не удивилась, когда мы встретили чужеземцев. Дядя говорил мне, что несколькими неделями ранее ему повстречались воины Альянса и Орды (я тогда, наверное, спала). Как выяснилось, эти заморские гости тоже высадились в Нефритовом лесу и устроили там настоящее светопреставление. Они втянули в свою свару местных жителей, хозенов и цзинь-юй, похожих на рыб. Хорошо, что мы с дядей Чэнем уже почти выбрались из леса к тому времени.

Вскоре после того как мы вошли в долину, нам встретился собрат по имени Грязная Кружка. Это был приветливый пандарен, варивший свой хмель на грязной воде. Он, казалось, был немного не от мира сего, но мне этот здоровяк понравился. Ни с того ни с сего он начал рассказывать нам о местной Хмелеварне Буйных Портеров. Мы с дядей не могли поверить своим ушам: у нас были живые и здоровые родственники в Пандарии — и хмелеварня!

К несчастью, в хмелеварне царил полный бардак. Гну-сини (точь-в-точь как на Скитающемся острове) наводнили склады ячменя и риса, а хозены оккупировали часть здания и потеряли последние остатки разума. В довершение всего главным на хмелеварне был дядюшка Гао, который взял и отказался от нашей помощи! Уж мы-то с дядей Чэнем не собирались позволить величайшему открытию в истории нашей семьи сгинуть из-за родственника-брюзги.

В общем, мы избавили хмелеварню от вредителей (что нам бы вряд ли удалось без помощи странников-чужеземцев). После того как порядок был восстановлен, Гао открыл нам душу. Обычно много Буйных Портеров жило и трудилось в стенах хмелеварни, но все они ушли на запад, чтобы дать отпор древней расе насекомых — богомолам, а дядюшку Гао оставили присматривать за всем. Наверное, он слишком сильно переживал за семейное дело, так как варево по его рецептуре оказалось настолько своеобразным, что ожило и попыталось прикончить все живое в округе.

Гао не знал, когда должны вернуться остальные члены семьи, но он подробно рассказал нам о них. А еще от него мы узнали, как давно наша семья живет в долине и почему. Он вывел нас за ворота хмелеварни и показал старую часовню, возведенную в память о вдове Маб Буйный Портер и ее сыне Ляо. Отец когда-то рассказывал мне о них. Муж Маб трагически погиб в отжимном прессе в результате несчастного случая. После смерти мужа Маб забрала с собой сына и начала новую жизнь на Скитающемся острове.

Помимо семейной истории, у моей родины были и более серьезные связи с Долиной Четырех Ветров. Гао заметил, что первый обитатель Скитающегося острова, Лю-Лан, родился и вырос неподалеку от нашей хмелеварни. Представьте себе! Легендарный Лю-Лан родился близ деревеньки под названием Каменный Плуг, что находится на западном краю долины.

Не было и дня, чтобы я не узнала чего-то нового о моих дальних родственниках и этих землях. И все, казалось, было неплохо, но потом до нас дошли плохие вести...

Далеко на западе, на гигантской стене под названием Змеиный Хребет, творилось что-то невероятное. Жестокие огромные могу, правившие Пандарией, пока их не свергли мои предки, возвели эту стену много лет назад, чтобы защититься от своих злейших врагов — богомоллов. Теперь Змеиный Хребет охраняют пандарены, но насекомым удалось прорвать их оборону, и они собирались штурмовать ближайшее поселение — Каменный Плуг!

Дядя Чэнь и я присоединились к группе ополченцев, собравшихся для защиты от захватчиков. Мы наголову разбили богомоллов, но меня не покидает ощущение, что за этой атакой последуют и другие. Местные говорят, что на самом деле за нападениями стоит другая сила, таинственная и злобная, которую они называют «ша». Стоило мне подумать, что в Пандарии затаилось такое зло, как у меня мурашки побежали по телу.

Мы отбили нападение, и жизнь вернулась в свое русло. Дядя Чэнь и дядюшка Гао целыми днями напролет сидят в хмелеварне, где обсуждают рецепты и снимают пробы напитков. Ну и ладно, так даже лучше. Дядя Чэнь с самого начала только мешался под ногами. Мне хочется путешествовать самостоятельно, и я знаю, куда отправиться — в Красарангские джунгли. Именно там начались странствия Лю Лана на Шэнь-Цзынь Су, морской черепахе, со временем выросшей и превратившейся в Скитающийся остров.

Я узнала о Красарангских джунглях от одного из крестьян долины. Он предупредил меня о том, что эти места *очень* опасны, но от этого мне лишь сильнее захотелось попасть туда. Так что я собрала немного припасов и оставила дяде Чэню записку, в которой объяснила, куда направляюсь. Он так глубоко зарылся носом в мешки с хмелем и ячменем, что мне, наверное, удастся вернуться еще до того, как он меня хватится.

И вот я стала свободна и начала прокладывать свой собственный путь. Следующий пункт назначения — Красарангские джунгли, родина Скитающегося острова!

Запись седьмая: Красарангские джунгли

Найти Красарангские джунгли оказалось проще простого — даже и без помощи дяди Чэня. А вот пробираться сквозь жуткие болота на побережье было далеко не так просто. Густая лесная растительность не давала пробиться лучам солнца, так что определять направление оказалось почти невозможно. Я то спотыкалась об узловатые корни, то запутывалась в дурацких побегах лозы, свисавших с деревьев... А еще в джунглях было множество обитателей. Сауроки, огромные шипящие осы и прочие злобные существа водятся там в изобилии.

Словом, все было просто восхитительно, предчувствия меня не обманули!

И все-таки меня беспокоило, что я не могу найти то место, откуда Лю Лан отправился в путь на Шэнь-Цзынь Су. Я долго прочесывала джунгли, но никаких признаков того, что я близка к цели, не было. А потом я повстречала рыбака по имени Жишань — первого пандарена за долгое время. Он только что доставил рыбу в Дозор Чжу, расположенный на северо-востоке Красаранга. Путники, направляющиеся к побережью, могут укрыться там от всяких неприятностей вроде нападений сауроков.

Должно быть, найти друзей в Красаранге не так-то просто, потому что Жишань обращался со мной, будто мы родичи, хоть и знал меня всего пару минут. Я рассказала ему, что именно ищу в глуши, и он поведал, что Лю Лан отчалил от Пандарии неподалеку от места, где находится родной край Жишаня — деревня рыболовов. Он пригласил меня навестить деревню и пополнить запас провизии, а потом уж отправляться к цели своих поисков. Наконец-то мне повезло.

Пока мы шли к деревне, Жишань так и сыпал рассказами об истории Красаранга. Как выяснилось, немногие пандарены бывают в этих джунглях. «Лишь рыбаки да безумцы... а разницы, считай, никакой», — сказал он, лучась от гордости. Мы

миновали рассыпающиеся руины, в которых, по его словам, когда-то обитали могу. До того как их империя пала много лет назад, кое-кто из этих огромных чудовищ жил в Красаранге. Не так давно могу хотели вернуть себе земли, когда-то им принадлежавшие, но их остановили герои вроде тех, что помогли нам с дядей Чэнем на хмелеварне.

Мы подошли к деревне рыболовов, когда сумерки почти сгустились. Маленькая дряхлая деревушка стояла чуть в отдалении от берегов Красаранга, так что нам с Жишанем нужно было добираться туда на лодке. Казалось бы, ничего особенного... Мы отчалили, и тут рыбак начал кричать и ругаться, вскочил на ноги и стал размахивать веслом. Что могло вывести из себя такого опытного рыбака? Кроколиски? Саурок? Я дрожала от страха за свою жизнь, пока не увидела причину всего этого: бандинота!

Эти маленькие проныры, покрытые мехом, — ловкие ворюги, которые просто *обожают* рыбу. Другими словами, они просто бич рыбаков. И бандинот, очутившийся в нашей лодке, был весьма свирепым. Он не дрогнул, когда Жишань принялся молотить веслом по доскам. Зверек шипел и размахивал своими когтистыми лапами, яростно отбиваясь от рыбака.

Обычно бандиноты обитают в Долине Четырех Ветров, но этот малыш добрался до самого Красаранга. Я успокоила Жишаня и пообещала позаботиться о маленьком воришке и проследить, чтобы он не стащил ни одной рыбы. Это было меньшее, что я могла сделать... В конце концов, бандинот так же исследовал мир, как и я. Забавно, но чем-то он напоминал моего старшего брата, Шисая. Возможно, дело было в круглой мордочке и заросших мехом ушах. А еще он, похоже, вытаскивал кусочки еды из меха и ел их, не заботясь о том, как ужасно это выглядит. Так или иначе, я решила назвать бандинота в честь старшего брата. Как ни странно, я и правда по нему скучала. Ну... слегка.

В деревне Жишань и его приятели пожарили свежий улов и рассказали мне свои лучшие рыбацкие байки. Когда я призналась, что родом со Скитающегося острова, они совсем разошлись и принялись твердить о маленьком кракене, которого поймали несколько лет назад.

«Лишь рыбаки да безумцы». Да уж. Прямо в точку.

Больше всего из их рассказов меня заинтересовало то, что они говорили о Храме Красного Журавля. Этот огромное сооружение в центре Красаранга было возведено в честь небожителя Чи-Цзи, известного как Красный Журавль. Жишань сказал, что это могучее и великодушное создание так же называют «духом надежды». Не так давно из глубин Храма Красного Журавля вырвалось опасное существо — *ша*. Диковинное воплощение зла потерпело поражение, но тень отчаяния с тех самых пор окутывает джунгли.

Я уже слышала о ша во время нападения богомоллов на Каменный Плуг в Долине Четырех Ветров. Почему эти странные существа внезапно возникают тут и там? Неужели это творится *повсюду* в Пандарии? От одних мыслей об этих ша мурашки ползли по коже... Уснуть в ту ночь было непросто.

На следующее утро я была готова продолжить поиски места, где началась история Скитающегося острова, но тут в Деревне рыболовов приземлился гигантский воздушный шар! Управлял им пандарен с тихим голосом по имени Шинь Шепот Облака. Он прибыл с севера Вершины Кунь-лай, чтобы забрать рыбу, которую надо было доставить в священное место высоко в горах — в Храм Белого Тигра. Рыба в Красаранге, должно быть, лучшая в Пандарии, иначе зачем Шиню было бы отправляться так далеко на юг!

Чем больше Шинь рассказывал о Кунь-Лай, тем сильнее мне хотелось там побывать. Он сказал, что я могу присоединиться к нему, если помогу погрузить рыбу. Как я

могла отказаться? Ну да, я так и не нашла место, откуда Лю Лан и Великая Черепаха отправились в странствие по морям, но зато теперь я примерно представляла, где это. Мы с дядей Чэнем всегда сможем туда вернуться в другой раз. А когда мне еще представится шанс посетить Кунь-Лай? Дядя застрял в хмелеварне, так что я могу ждать недели или даже *месяцы*, прежде чем мы исследуем далекие уголки Пандарии. Я представила, как дядя Чэнь сидит в хмелеварне, опустошает бочонки с пивом один за другим и становится толще, чем шар Шиня, так что даже не может пролезть в двери!

Оставалось всего ничего: я закатала рукава, вдохнула поглубже и начала грузить бочки с рыбой в большую корзину, свисающую с шара. Когда дело было сделано, пахло от меня, как от настоящей рыбачки, но это пустяковая цена за то, чтобы добраться до загадочной и волнующей Вершины Кунь-Лай.

Попрощавшись с рыбаками, я убрала Шисая в походную сумку и забралась в корзину воздушного шара. Вскоре мы уже поднимались над Красарангскими джунглями все выше, выше и выше! Ветер влек нас на север, и мы летели над Нефритовым лесом и дальше к величественным пикам Кунь-Лай. В просветах меж облаками я начала разглядывать землю, открывавшуюся перед нами.

Я сказала Шиню, что вид на Кунь-Лай издали просто прекрасен, и он погрузился. «Любопытно, сверху все смотрится так красиво», — произнес он. «Кунь-Лай — чудесный край, ты права. Но сейчас тут не все благополучно. Над этими землями сгущаются тучи, Ли Ли».

Шинь поведал мне о том, что в Кунь-Лай пришла война. Он говорил, чтобы я не беспокоилась, ведь та область, куда мы направляемся, вполне безопасна. И все же я раздумывала о том, не совершила ли ошибку, присоединившись к нему. Затем я напомнила себе, что дядя Чэнь и прочие известные путешественники бывали и в опасных, и в мирных краях. В этом вся суть странствий. Я глубоко

вдохнула и стала пристально глядеть вперед, готовясь с достоинством пройти *любое* испытание, которое преподнесут мне заснеженные горы Вершины Кунь-Лай!

Запись восьмая: Вершина Кунь-Лай

Мне казалось, что ничто не сравнится по величине с Нефритовым лесом, но даже он не шел ни в какое сравнение с Вершиной Кунь-Лай. Горные пики были такими высокими, что, даже находясь в корзине воздушного шара, мне приходилось выглядывать и задирать голову, чтобы увидеть, как белоснежные шапки уходят за облака.

Мы направлялись в Храм Белого Тигра, расположенный в северо-восточной части Кунь-Лай. Он, как и храмы в Нефритовом лесу и Красарангских джунглях, был возведен в честь одного из небожителей Пандарии — Сюэня Белого Тигра. Управлявший шаром Шин еще называл его духом силы, которая так необходима для выживания среди этих суровых гор.

Мы высадились на промерзших землях храма. К тому времени, как мы разгрузили все бочки с рыбой, мои лапы онемели на морозе. Даже мой бандинот Шисай не мог спастись от холода. От холки и до самого хвоста его мех покрылся инеем, а усы его превратились в настоящие сосульки. Я бы посочувствовала этому маленькому негоднику, если бы он вел себя как следует. Прошлой ночью он чуть не укусил меня, когда я застала его за кражей рыбы из бочек!

С ним что-то было не так, но я не знала, что именно... Пока не знала.

Избавившись от перевозимого груза, мы вновь взмыли в небеса и взяли курс к каменистому нагорью на юге Кунь-Лай. Там проживала большая часть местного населения. Помимо лачуг хозенов и деревенских построек пандаренов, мне на глаза попало селение цзинь-юй, расположенное на берегу Озера Чернильной Жабры. Я надеялась многое узнать о богатой истории и культуре этой древней расы амфибий. И самое главное — мне было жутко интересно, как они засовывают маленьких рыбешек в пузыри, а потом заставляют их парить в воздухе.

Но осмотреть Озеро Чернильной Жабры мне так и не довелось. По правде говоря, у меня вообще не получилось толком полюбоваться ни одной из удивительных достопримечательностей Кунь-Лай. Шисай становился все более непредсказуемым и опасным с каждой секундой.

— Он злится, — объяснил мне Шин, тоже отметивший поведение бандинота. — Но он не виноват...

Затем пандарен рассказал мне, что ша, воплощение чистой злости, вырвался из своего заточения в горной твердыне. Он наводил ужас на жителей степей и разжигал ссоры между местными народами.

Масла в огонь добавило и вторжение яунголов-кочевников, которые пришли сюда с запада. Эти мохнатые, похожие на яков проходимцы возомнили, что могут здесь безнаказанно бесчинствовать, и потому дотла сжигали все поселения на своем пути. Шин не знал, было ли внезапное появление яунголов обусловлено происками ша, но от этих дикарей в Кунь-Лай явно не становилось спокойнее.

И хотя нам нечего было противопоставить ша и яунголам, мы все же могли помочь моему бандиноту. Шин сказал мне, что он знает того, кто сможет помочь Шисаю. Звали его Отважный Юнь.

Юнь облюбовал маленькую пещеру на пике Коту, удаленной вершине на юго-западе Кунь-Лай. Это был эксцентричный пандарен, известный в округе своим умением дрессировать диких животных и обучать их драться. К счастью, Шин и Юнь были старыми друзьями, а потому дрессировщик сразу предложил нам пройти к нему в дом и согласился помочь Шисаю. Он очень осторожно осмотрел сердитого бандинота, постоянно оборачиваясь к остальным жившим в пещере питомцам, задавая им какие-то вопросы и постоянно нашептывая что-то нечленораздельное. Но еще сильнее меня ошарашило то, что на стенах пещеры были развешены

свитерочки, носочки и шарфики. Все они, очевидно, были связаны для зверей разных размеров, и на всех предметах одежды были вышиты имена питомцев Юня!

— Можешь смеяться надо мной, если угодно, — обиженно сказал дрессировщик, увидев, как я разглядываю одежду зверей, — но в холодную погоду важно держать животных в тепле. Замерзший питомец может растянуть мышцу, знаешь ли.

Да уж... Юнь был немного не в себе, но мне он понравился. Он напомнил мне тех старших монахов со Скитающегося Острова, которые всю жизнь посвятили тренировкам и самосовершенствованию. Вот только Юнь не искал внутренней гармонии, а устраивал потешные бои кроликов с маленькими кроколисками, что, впрочем, было довольно занятно.

На следующий день Юнь научил меня «управлять гневом» Шисая. Как я поняла, под этими словами он подразумевал обучение бандинота битвам с другим зверьем. Вот уж никогда не подумала бы, что моему маленькому задире хватит ума для тактических маневров, но у него неплохо получилось.

Шисаю даже удалось не ударить мордой в грязь во время битвы с опытными бойцами Юня (чем он, конечно же, обязан моему стратегическому гению). Кроме того, после боев Шисай действительно уgomонился. В промежутках между битвами к бандиноту возвращался его прежний нрав. Только шрамов изрядно прибавилось.

Следующим утром Шин, Шисай и я покинули пик Коту. Перед отлетом Юнь вручил мне сумку со старыми принадлежностями для питомцев. В их числе были жевательные косточки, чтобы разбушевавшемуся Шисаю было на чем выместить агрессию, а также лакомства и много прочей всячины. Платы за помощь дрессировщик не попросил, и я поняла: такой пандарен достоин уважения. Он помог Шисаю не из корысти, а из любви к дрессировке и обучению диких зверей. Правда,

ему было известно, что у меня нет ни гроша. Возможно, этот факт тоже сыграл свою роль.

Пока Шин направлял шар на восток, мы обсудили, где мне лучше всего будет сойти обратно на землю. Внезапно на полуслове я заметила внизу какое-то движение. Десятки пандаренов проходили через гигантские ворота на юге Кунь-Лай.

Шин называл их Вратами Августейших Небожителей и был чрезвычайно удивлен тем, что они были отворены. С его слов я узнала, что они были закрыты на протяжении тысячелетий. За массивной стеной скрывалось место, окутанное пеленой мифов и легенд, Вечноцветущий дол. Очень немногим когда-либо доводилось там бывать.

Другими словами, это была настоящая мечта любого первооткрывателя, и мне непременно нужно было туда попасть.

Запись девятая: Вечноцветущий дол

Вечноцветущий дол был отдельным маленьким миром, спрятанным в самом сердце Пандарии. Теплый мягкий бриз обдувал холмы, густо поросшие золотистой травой. С ветвей крепких деревьев облетали листья и цветочные лепестки, наполнявшие воздух приятным ароматом. В отличие от обычной опавшей листвы, эта не иссыхала и сохраняла свежесть на протяжении нескольких дней.

Многое из того, что мне довелось увидеть, совпадало с тем, что я узнала о Вечноцветущем доле из преданий и легенд. Всем юным пандаренам на континенте с ранних лет рассказывают мифы об этом месте. Одним из самых популярных был миф о том, что здесь находятся магические источники. Некоторые местные жители даже говорят, что с помощью воды из этих источников можно творить чудеса! Здесь определенно таилось что-то необычное, и не одной мне было интересно узнать, правдивы ли истории об этом волшебном месте.

Десятки пандаренских беженцев стекались в золотую долину — большинство из них покинули вершину Кунь-Лай, когда их дома разрушили яунголы. С собой у несчастных горемык было лишь то, что они успели унести, по большей части — лишь надетая одежда. Кому-то повезло больше, и они смогли увести с собой пару яков, захватить фамильные реликвии и пищу, чтобы продержаться хотя бы пару дней.

Я догнала двух беженцев, которые шли обособленно. Взрослого пандарена звали Бувэй, а его сына — Малыш Фу. Оба они были довольно молчаливы, но я пустила в ход знаменитое очарование Буйных Портеров и разговорила их. Выяснилось, что из-за нападения яунголов на Кунь-Лай Бувэй и Фу лишились всего... даже семьи. Теперь отец с сыном направлялись в Деревню Туманного Водопада — это укромное место в доле стало прибежищем для многих пандаренов с вершины Кунь-Лай.

Как и прочие беженцы, Бувэй и Малыш Фу надеялись, что смогут спрятаться от войны в этих землях. А почему бы и нет? На протяжении тысячелетий дол был отгорожен от остальной Пандарии, и ворота туда открылись совсем недавно. И все это время дол находился под чутким присмотром небожителей. Легендарные существа выбрали себе в помощь особых хранителей — Золотой Лотос. Повстречавшиеся мне пандарены в один голос говорили, что стать членом этого священного ордена — огромная честь, но мне все это показалось немного нелепым. Я просто не могла вообразить, каково это, когда перед тобой внезапно предстает богоподобное создание и предлагает тебе навсегда оставить родных и друзей, чтобы остаток жизни провести в окутанной тайнами земле.

Но это я отвлеклась... Я понимала, почему беженцы тянулись в Вечноцветущий дол. Пожалуй, это самое безопасное место в Пандарии, учитывая, что оно находится под надзором небожителей и Золотого Лотоса.

По крайней мере, оно было безопасным.

Бувэй рассказал мне о том, что в стародавние времена дол являлся сердцем империи могу. Но совсем недавно эти жирные вонючки нашли способ пробраться обратно в дол и попытались захватить свои прежние владения. Трудно было поверить, что могу когда-то хозяйничали в таком красивом месте, но здесь осталось полным-полно их статуй!

Несмотря на известия о могу, Бувэй и Фу день ото дня становились все жизнерадостнее. Хотелось бы мне считать это своей заслугой, но все же благодарить нужно моего бандинота Шисая. С тех пор как мы покинули Кунь-Лай, пушистик уже научился сдерживать свою агрессию. На всякий случай я рассказала своим новым друзьям, как успокоить Шисая с помощью лакомств и жевательных косточек, если он вдруг начнет вести себя плохо. Бувэй с сыном много времени проводили с бандинотом. Занятия с ним, должно быть, отвлекали их (в особенности, Фу) от

горестных мыслей о потерях. Малыш улыбался только в те моменты, когда брал Шисая на руки. В скором времени он стал мастерски управляться со зверьком.

Когда мы, наконец, достигли Деревни Туманного Водопада, я была поражена, насколько большой и оживленной она оказалась. Каменные мостовые казались очень древними и истесанными, но многие здания были как новенькие. От Бувэя я узнала, что деревня раньше не была такой большой и состояла в основном из построек Золотого Лотоса, но первые беженцы-пандарены из Кунь-Лай быстро возвели новые здания.

Беженцы обустроивали свое новое жилище без лишних промедлений. Отовсюду были слышны оживленные пандаренские голоса и смех, и все уголки деревни были наполнены звуками песни. Большинство тележек, что пандарены привезли с собой, были быстро разобраны. Из них на скорую руку мастерили столы и рыночные прилавки. Из оставшихся досок развели костры, и там на вертеле жарилась курица с арахисом, а еще в больших котелках кипело зеленое карри с рыбой. Я не раз замечала, как с крыш домов за нами наблюдали духи. Они были очень похожи на тех, что я видела на Скитающемся Острове. Шаловливые духи присматривались к беженцам, а потом тут же исчезали.

В деревне Туманного Водопада было здорово, но мне хотелось обойти весь дол целиком. Рано утром я собралась в дорогу. Бувэй и Малыш Фу еще спали. Маленький пандарен улыбался во сне и лежал с Шисаем в обнимку. Я собиралась взять бандинота с собой, но он принес столько радости сыну Бувэя, что я просто не могла их разлучить. После всего, что пережил Малыш Фу, Шисай был ему нужен. Кроме того, я уже устала каждый день находить шерсть бандинота на своей одежде, в чае и еде. По крайней мере, этим я утешала себя, чтобы не разреветься, пока я писала прощальную записку для Бувэя и его сына. А потом я покинула деревню.

Как только солнце взошло над горизонтом, я заметила, что кто-то — или что-то — неотступно следует за мной. Я нутром это чувствовала, но окончательно поняла это, когда почуяла странную вонь, пропитывавшую воздух вокруг. Этот запах напомнил мне Жишаня и других рыболовов из Красарангских джунглей, он был похож на смесь пропитанной потом шкуры и рыбных потрохов. По этому зловонию я и выследила незадачливого преследователя, спрятавшегося за большим булыжником. Сперва я приняла его за свою бабушку Мэй, но при ближайшем рассмотрении выяснилось, что мех у затейника не такой густой. Впрочем, разница была невелика.

Это был груммель. Я видела этих странных существ на вершине Кунь-Лай, но лишь издали. Они мастерски лазали по горам, а благодаря их чрезвычайно развитому обонянию из них выходили отменные следопыты. Долгие скитания по опасным склонам гор сделали груммелей очень суеверным народом, и те постоянно носили с собой особые талисманы (вроде редкой монеты или кроличьей лапки). Эти побрякушки они звали «удачками». Зачастую груммели даже имена свои меняли на названия любимых удачек. Что касается моего нового друга, то его имя развеяло все сомнения в отношении запаха...

— Посыльный Рыбий Хвост. Прошу любить и жаловать! — сказал груммель. — Чэнь Буйный Портер приказал мне найти тебя, но это было крайне непросто. Я долгое время шел следом, чтобы удостовериться, что ты — действительно ты. Запах слабоват. Тебе определенно нужна новая удачка.

— Мог бы просто спросить, как меня зовут, — ответила я ему.

— Настоящий груммель прежде всего доверяет своему носу.

Он передал мне свиток от дяди Чэня. Я изо всех сил старалась разобрать текст на пергаменте, покрытом пивными пятнами и кусочками тофу. Выяснилось, что дядя Чэнь все же решил размять свое мягкое место и ушел из хмелеварни. Кроме того, он

обнаружил еще нескольких Буйных Портеров в хмелеваренном дворике «На закате». Это было какое-то селение посреди неких Жутких пустошей, как назвал их дядя. Он попросил меня встретиться с ним у одной из сторожевых башен, расположенных вдоль Змеиного Хребта — гигантской стены, протянувшейся вдоль западной границы Пандарии.

«И, пожалуйста, Ли Ли, — писал дядя Чэнь в конце письма, — чтобы ни случилось, не ходи по ту сторону стены! Там слишком опасно. Просто подожди меня у сторожевой башни».

Дядя даже не упомянул о том, что я ушла без его разрешения, и мне это не нравилось. Раз он забыл побрюзжать об этом — значит, в Жутких пустошах происходило что-то злое. Хотя мне вовсе не хотелось уходить из Вечноцветущего дола, я понимала, что дяде Чэню нужна моя помощь. Да и погулять по стене было бы очень интересно.

— Скорей, скорей! — посыльный Рыбий Хвост указал на запад, где Змеиный Хребет протянулся вдоль границы дола. — Я доведу тебя до стены, но нам нужно поторопиться. Поднялся восточный ветер — значит, дорога будет спокойной и безопасной!

Даже издали Змеиный Хребет казался огромным. Впервые я увидела это сооружение в Долине Четырех Ветров, и с тех пор мне хотелось осмотреть всю Пандарию с высоты этой громадной стены.

И этот день, наконец, настал.

Запись десятая: Танлунские степи

Однажды я слышала легенду о том, что для строительства Змеиного Хребта потребовались миллиарды каменных блоков.

Именно так. *Миллиарды!*

Мне тогда эти рассказы показались пустой болтовней. Но стоило мне взойти на великую стену и самой убедиться в ее размерах, как я поняла, что это чистая правда. Змеиный Хребет простирается далеко на юг, подобно гигантской извивающейся змее. Он уходит за самый горизонт, и конца ему не видно. Поверху могут свободно проехать бок о бок несколько повозок, и между ними еще остается место для тучного пандарена вроде дяди Чэня. Некоторые участки укрепления явно были недавно отремонтированы: они были выложены из ровных, аккуратно обтесанных камней. В других же местах стена была старой, на потертых камнях кое-где красовались выбоины, напоминавшие о былых сражениях, а бывшее величие поблекло под гнетом стихий.

Зато моя мечта сбылась — я очутилась наверху Змеиного Хребта! Мне очень непросто было добраться сюда, но это лишь добавляло сладости чувству триумфа. Следуя подробным указаниям дяди Чэня, груммель-посыльный по прозвищу Рыбий Хвост привел меня прямо к одной из сторожевых башен неподалеку от Вершины Кунь-Лай. Как только мы очутились наверху, я поняла, почему нам пришлось сделать такой крюк.

Дядя Чэнь подготовил прямо-таки почетный караул: меня ожидал настоящий Шадо-Пан!

Воина Шадо-Пан звали Минь. Целые поколения воители этого загадочного ордена несли дозор на Змеином Хребте, защищая Пандарию от всяких тварей вроде

богомолов. Облачение Минь очень походило на одежду других встретившихся мне Шадо-Пан: легкий доспех, широкополая шляпа, почти закрывавшая глаза, и белый шарф, обмотанный вокруг лица. Он был не очень словоохотлив, но его рассказы оказались очень интересны. Минь говорил, что у каждого камня здесь своя история: они могут поведать о том, где стражи Шадо-Пан отражали нападения врагов, зачастую жертвуя своими жизнями ради священного долга.

Пока мы шли на юг, начался дождь. Капли не собирались в большие лужи, а стекали по бороздам на стыках камней, падая со стены тысячами маленьких водопадов. Пока я осматривала архитектурные особенности великого сооружения, я заметила нечто странное в поведении Миня. Он постоянно обращал взор на запад, как будто по привычке, выработанной годами. Земли за пределами стены в том направлении зовутся Танлунскими степями; там, среди зеленых холмов кое-где проглядывают каменистые участки. То тут, то там к небу вздымаются огромные деревья (они называются кипари), и некоторые из них казались не ниже самого Змеиног Хребта.

Танлунские степи оказались суровым местом, и народ здесь жил не самый приятный — яунголы. Минь рассказал, что раньше со стены можно было разглядеть огромные толпы этих косматых кочевников, бредущих по холмам. Теперь же в этих местах не встретишь ни души. В небе парят стервятники, кружащие над обугленными останками лагерей яунголов.

В Танлунских степях разразилась война, но войска уже покинули эту область. Все началось с вторжения богомолов, вынудивших яунголов бежать в Кунь-Лай, где они принялись разорять пандарийские деревни. А еще не обошлось без влияния ша, пробудивших ярость в этих неотесанных дикарях. Но пандарены и их союзники разбили яунголов.

— В моем сердце нет ненависти к яунголам, — сказал Минь. — Шадо-Пан сражаются, лишь чтобы защитить Пандарию. Ни один наш поступок не диктуется эмоциями, и

мы постоянно тренируемся держать нрав в узде, чтобы не стать рабами страстей. Но можешь не переживать, малышка. Эти бродяги — очень стойкий народ, их культура не будет уничтожена. Главное, чтобы эти события послужили им хорошим уроком. После этого Минь не проронил ни слова до самого конца пути. Но меня это не смущало — мне было над чем поразмыслить. Раньше мне хотелось, чтобы яунголы понесли наказание за все сотворенное ими в Кунь-Лай, но после увиденного в Танлунских степях я и не знала, что думать. Должна ли я радоваться или печалиться?

Когда мы приблизились к сторожевой башне, у которой нас должен был встретить дядя Чэнь, дождь уже прекратился, а сквозь облака начало проглядывать солнце. Стоило погоде улучшиться, и настроение у меня тотчас поднялось... по крайней мере, пока не выяснилось, что дяди Чэня нет на месте. Не было на посту и стражей Шадо-Пан, которые должны были стоять в дозоре...

Не успела я спросить у Миня, куда все подевались, как на нас напали богомолы! Они выжидали в засаде, повиснув на внешней стороне Змеинового Хребта. В мгновение ока они перебрались через зубцы стены и окружили нас. Сосредоточившись к северу, югу и востоку от нас, они отрезали все пути к отступлению и прижали меня и Миня к самому краю, за которым простирались Танлунские степи. Мне уже случалось сражаться с богомолами в Долине Четырех Ветров, но привыкнуть к облику этих чудищ никак не удавалось. От вида этих странных усиков, жвал и крыльев, тонких, как пергамент, у меня кровь стыла в жилах.

Минь пронзил сразу нескольких насекомых своим копьем. Он наносил и отражал удары, уклонялся от вражеских выпадов так, будто он раньше самих богомолов знал, что те собираются сделать. Я было ринулась в драку, чтобы помочь Миню, но он удержал меня.

— Рядом с каждой сторожевой башней мы заготовили тайники с припасами, — спокойным голосом сказал он, взмахнув копьем и отбросив назад группу богомоллов, приблизившихся сбоку. — Найди камень, на котором вырезан рычащий тигр. Это эмблема Шадо-Пан. Отодвинь камень и достань веревку.

Я увидела этот каменный блок рядом с тем местом, где стоял Минь, и приподняла его с помощью посоха. Моему взору открылось обширное помещение, доверху забитое мешками с сушеной провизией, а еще я нашла там моток толстой веревки. Минь, по-прежнему удерживавший богомоллов на расстоянии, приказал мне обвязать веревку вокруг его пояса, а другой конец сбросить вниз со стены.

А потом он сказал мне спускаться.

Поначалу мне было очень страшно. Просто спуститься со Змеиног Хребта — одно дело, но когда канат, на котором ты висишь, привязан к пандарену, дерущемуся с целой армией богомоллов, то это уже совсем другой разговор. К тому же, что со мной будет, когда я окажусь на земле? Я помнила загадочное письмо дяди Чэня. Он писал мне: *«Пожалуйста, Ли Ли, что бы ни случилось, не отправляйся за стену, на другую сторону! Там слишком опасно».*

И самое главное, мне не хотелось просто так бросать Миня на произвол судьбы. Но что еще оставалось делать? Он был воином Шадо-Пан, монахом, опытным и смертоносным. Он знал, что делает, и если я хотела заручиться его уважением, то нужно было его слушаться.

Так что я продолжала спускаться. На протяжении всего долгого пути к земле я слышала металлический звон ударов копья Миня о мечи и доспехи богомоллов. Я надеялась, что он выглянет из-за края стены и скажет, что бой окончен. Но этого не случилось.

Я уже почти спустилась, когда почувствовала, что натяжение веревки внезапно исчезло. Кто-то перерезал ее. Я полетела вниз и приземлилась в заросли колючего кустарника, разросшегося близ Змеиного Хребта. Я сидела там, не решаясь шелохнуться, мной овладел страх... вдруг случилось самое худшее? Каково же было мое облегчение, когда Минь наконец показался на вершине стены и начал что-то мне кричать!

Расстояние между нами было слишком велико, и я почти ничего не могла разобрать. Насколько я поняла, он разделался с богомолами, однако последний из них перерезал веревку. Минь указал на юг и начал размахивать лапами, как будто хотел что-то мне объяснить. Он, конечно, был превосходным монахом (одним из лучших из всех, кого мне довелось видеть), но с жестикуляцией у него были серьезные проблемы. Все, что я поняла, — оставаться на одном месте нельзя. Веревку перерезали, и обратного пути на стену нет. К тому же, богомолы напали на нас именно здесь; это значит, что вокруг могло быть еще много притаившихся в засаде врагов.

Оказавшись на земле, я заметила, что Танлунские степи вблизи кажутся гораздо более опасными, чем с высоты Змеиного Хребта. Даже трава здесь была какой-то необычно холодной. Небо заволокли плотные темные тучи, над головой раздались раскаты грома. А все эти холмы и огромные валуны были прекрасными укрытиями для хищных зверей, которые, наверное, были не прочь мной перекусить. Но больше всего я беспокоилась о дяде Чэне. Где он? Почему не пришел? Он не мог забыть о встрече. Я даже подумала, что его могли взять в плен богомолы, но вряд ли бы им удалось с ним справиться. Он бы их порвал на много маленьких богомольчиков одной левой (а в правой лапе он, наверное, держал бы кружку с хмелем).

Я решила идти дальше на юг, в Жуткие пустоши, и попробовать найти хмелеваренный дворик «На закате» самостоятельно. Я предположила, что местные могут знать, что стряслось с дядей Чэнем и куда он мог подеваться.

Риск был велик, но мне казалось, что другого выхода просто нет.

Запись одиннадцатая: Жуткие пустоши

Впервые в жизни я испугалась — *по-настоящему* испугалась — когда отправилась в Великую Библиотеку на Скитающемся Острове, чтобы прочесть «Книгу черепахи». Я тогда была еще маленькой, и стоило мне перевернуть несколько страниц, как я опрокинула на древний пергамент чернильницу. Все мои попытки отчистить чернила оказались тщетны — я лишь размазывала пятно. В итоге я запаниковала и поставила книгу в самый дальний и пыльный угол библиотеки в надежде, что ее там никогда не найдут.

После этого я провела в страхе целых три дня, не сомневаясь, что о моем проступке узнают. Кусок едва лез в горло, я не могла спать по ночам и почти не выходила из своей комнаты. Страх овладел мной, точно один из злых лесных духов, о которых бабушка Мэй рассказывала в своих страшилках. К концу третьего дня хранители библиотеки узнали, что я натворила (к счастью, я испортила лишь копию книги, так что оригинал остался в целости и сохранности). В наказание отец заставил меня переписать стихи «Песни о Лю Лане» несколько тысяч раз, но это показалось мне мелочью после трех жутких дней, которые стали для меня настоящей карой.

С тех пор я не испытывала подобного страха... пока не очутилась на родине богомоллов — в Жутких пустошах. Мне все-таки удалось сюда пробраться, хотя для этого пришлось слишком сильно отдалиться от Змеиного Хребта, и я была от этого не в восторге. Жуткие пустоши и Танлунские степи были разделены огромным ущельем. Я отправилась на запад вдоль расщелины и через некоторое время обнаружила полый ствол гигантского дерева, служивший естественным мостом между краями пропасти. По нему-то я и перешла на другую сторону.

Ша Страха превратил пустоши в жутковатое подобие Танлунских степей. Рельеф не сильно отличался от того, что я видела ранее, — тут были поросшие травой холмы, каменистые участки и высоченные деревья кипари. Но все казалось каким-то

странным и неестественным. Высоко в небе кружилась стая черных туч, образуя пугающую гигантскую воронку, края которой озарял какой-то непонятный свет. Вся земля была покрыта сгустками черно-белой энергии ша. Эти сгустки были похожи на чернильные пятна, и они напомнили мне о разводах на «Книге черепахи». По правде говоря, с каждым вдохом, с каждым шагом по всему телу пробегала дрожь ужаса, как будто я вновь переживала те страшные дни, когда я испортила книгу в библиотеке.

Мне хотелось убежать, и я бы так и сделала, если бы мои мысли не были заняты дядей Чэнем. Мне *во что бы то ни стало* нужно было найти хмелеваренный дворик «На закате».

Чем больше я думала об этом дворике, тем легче становилось у меня на душе. Я неустанно повторяла про себя это название, пока не подошла к одному из деревьев кипари (как я узнала позже, оно звалось Кор'весс). Показавшиеся из-под земли корни были настолько велики, что я могла легко пройти под ними, как если бы они были гигантскими арками. С ветвей дерева медленно стекали капельки блестящей янтарной смолы, которые неторопливо летели по воздуху, как светлячки. В стволе дерева там и сям были прорублены сводчатые дверные проемы и окна, похожие на соты пчелиного улья. Создавалось ощущение, что эти архитектурные изыски — дело лап насекомых, и тут я поняла, что это жилища богомол. Эти насекомые живут *внутри* деревьев!

К счастью, я не встретила рядом с деревом ни одного богомола. По крайней мере, ни одного живого богомола. Зато повсюду валялись мертвые тела насекомых — складывалось впечатление, что здесь произошла какая-то битва. Как бы то ни было, я решила не рисковать и держалась в тени от корней кипари, стараясь заметить хоть что-нибудь, что помогло бы мне отыскать хмелеваренный дворик.

Первой серьезной находкой оказались куски деревянного бочонка. Его определенно сколотили пандарены. Окружающие развалины были окроплены каплями яркой янтарной смолы. Внезапно меня осенило: а что, если пандарены, живущие в Жутких пустошах, добывают сок кипари? Это было вполне вероятно. Богомолы, к примеру, делали из янтаря множество разных вещей (например, оружие) и даже строили из него целые здания. Я даже слышала, что у этой вязкой жижи есть целебные свойства. Другими словами, сок кипари — идеальный ингредиент для особого сорта эля.

Почти целый час ушел на поиски хмелеваренного дворика, расположенного у другого дерева кипари неподалеку от Кор'весс. По поселению, знававшему лучшие времена, прохаживались пандарены в легких доспехах. Над котелками, в которых бурлили ячмень и хмель, серпантинном поднимались столбы пара. Большие капли сока стекали с дерева в специально расставленные бочки. И хотя с роскошью тут было не густо, в целом это местечко было довольно уютным.

Стоило мне сделать буквально пару шагов внутрь дворика, как я услышала знакомый голос.

— Шадо-Пан был последним, кто ее видел. Он сказал, что она направлялась в сторону Жутких пустошей, — сказал дядя Чэнь.

Я увидела, что он стоял в дальнем краю поселения с тремя другими пандаренами.

— Так чего же мы ждем? — спросила одна из пандаренов. Это была женщина в возрасте, и ее мех был аккуратно затянут в два пучка. Она пнула своего толстого храпящего товарища, который растянулся на земле. — Поднимайся, Здоровяк Дань! Мы не можем потерять еще одного Буйного Портера!

— Меня ищите? — перебила я ее.

Все они вмиг уставились на меня. На лице дяди Чэня застыло просто уморительно удивленное выражение.

— Ли Ли! — он подхватил меня на руки и крепко обнял.

И все мои страхи мигом улетучились. Я, было, начала извиняться за то, что ушла из хмелеварни без его разрешения, но дядя Чэнь остановил меня.

— Как я могу на тебя сердиться! Ведь ты отправилась изучать мир, разве не так? — сказал он. — Я сам занимался этим всю жизнь. Я очень рад, что ты цела и невредима. Дядя Чэнь рассказал мне, почему он не смог встретиться со мной на Змеином Хребте. Богомолы атаковали несколько участков великой стены, и путь был перекрыт. Одолев врагов, Чэнь разыскал монаха Шадо-Пан Миня, который рассказал ему о том, что со мной приключилось. Дядя только что вернулся на хмелеваренный дворик и сразу принялся собирать поисковый отряд.

Он попросил помощи у других *Буйных Портеров*! Их звали Хань, Здоровяк Дань и Мамаша Буйный Портер.

— Неужели ты в одиночку прошла по Танлунским степям и Жутким пустошам? — спросил Хань.

— Конечно же! — сказала Мамаша Буйный Портер, потеревив меня за щеку. — Она же из рода Буйных Портеров.

Здоровяк Дань фыркнул, приподнялся и потер глаза. Как я поняла, подобная чрезмерная активность была ему не свойственна. Он молча разглядывал меня, прежде чем заговорить.

— Она... она очень похожа на Эви.

Мамаша, дядя Чэнь и Хань сразу поникли. Когда я решила расспросить их об этой Эви, они вывели меня с хмелеваренного дворика, и мы вместе направились к ущелью на самом краю Жутких пустошей. Рядом с обрывом над землей возвышался каменный памятник. Он был посвящен Эви.

Эви Буйный Портер.

Ее убили ша или богомолы (а, может, они набросились на нее все вместе) в Жутких пустошах во время охоты. Ее обнаружил дядя Чэнь. Я ни разу до того не встречалась с этой девочкой, но все равно тосковала по ней. Здоровяк Дань сказал, что я выгляжу, как Эви. Может, мы и характерами были похожи? Стали бы мы с ней хорошими подругами? Может, даже сестрами?

Но ответить на эти вопросы уже никогда не удастся, и виной всему — ша и богомолы. Я злилась на них, и не только из-за Эви. Меня угнетало все, что я видела во время странствий по Пандарии. Так или иначе, ша натворили достаточно бед по всему континенту. Сколько еще невинных еще погибнет, как моя несостоявшаяся сестра?

— Я отведу тебя обратно в Долину Четырех Ветров, — сказал дядя Чэнь. — Ты останешься там до тех пор, пока с ша и богомолами не будет покончено. Исследовать пустоши сейчас небезопасно.

— Нет! — отрезала я. Исследования стояли *последними* в череде моих мыслей. — Ты же сам писал мне, что есть время для странствий и есть время для битвы. Вот я и следую твоему же совету. Я хочу остаться здесь и помочь, чем смогу.

Я уже забеспокоилась, что дядя Чэнь не согласится и все равно отправит меня в Долину Четырех Ветров, но спустя лишь несколько мгновений на его пухлом лице показалась едва заметная улыбка.

— Да это слова настоящего странника!

И мы отправились обратно на хмелеваренный дворик без лишних слов. Нам предстояло спланировать множество разных вещей. Может, я и не буду драться с ша и богомолами на передовой, но я готова на все, чтобы помочь моему народу. Я даже согласна нарезать бинты и готовить еду. Я сделаю все, чтобы смерть Эви не оказалась бессмысленной... чтобы Бувэй и Малыш Фу смогли вернуться домой и начать новую жизнь... чтобы все, кого я повстречала на пути, могли жить свободно, не опасаясь козней ша.

Я сделаю все, чтобы сохранить Пандарию. А потом уже можно будет исследовать ее вдоль и поперек.

— *Ли Ли Буйный Портер*